

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ЗООМОРФИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

**(НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДА ГАЗЕТЫ
"МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ" ЗА 1991-1992 гг.)**

Универсальным явлением для лексико-семантической системы русского и французского языков, и в частности для политического словаря, есть использование названий животных в качестве оценочно-характеризующего средства. Схожесть географических и природных условий двух стран определили наличие практически одних и тех же видов животных, поэтому основы французских и русских зооморфизмов в целом единообразны.

Общим является и сам механизм образования оценочной квалификации лица или социального денотата в результате вторичной номинации. Людям было свойственно уподоблять себе окружающую природу: животные и растения символически наделялись человеческими чертами. Закрепившись в фольклоре, литературных произведениях, эти ассоциативные образы вновь переносились на мир человека. Таким образом, особенностью оценочной характеристики социальных референтов является сравнение их не с собственно экстралингвистической сущностью, а с тем метафорическим образом, который сложился в узусе носителей языка в виде социально-психологического стереотипа, поэтому зооморфиз-

мы представляют собой культурно-исторические символы, специфичные для каждого народа. При метафорическом переносе сохраняется ассоциативно-образная связь исходного денотата с обозначением непрямого наименования. Семы, выступающие основанием для переноса значения, выполняют оценочно-характеризующую функцию. Коннотация зооморфизмов выражается через определенные понятийные признаки, вызывающие у говорящих соответствующие образы, оценки, эмоции.

В языке политики символические зоонимы приобретают идеологический компонент эмотивного характера, который сочетается с национально-культурным компонентом, основанным на ассоциативно-образной мотивации. Экспрессивность зоометафор обуславливает большие прагматические возможности данной ЛСГ в политическом дискурсе. Особенностью оценочной рамки зооморфизмов является специфика оценочной шкалы В.Н.Телия, которая разграничивает собственно-оценочную шкалу и квазистереотипную шкалу [4;50], т.е. систему ассоциативно-образных представлений, выступающих эталоном при формировании оценки. В создании зоо-характеристик оценочная интерпретация объекта соотносится с квазистереотипной шкалой.

Несовпадение языков и национальных “картин мира” выражается в существовании в разных социумах своих квазистереотипов и традиционных символов, которые хранят информацию, существенную для видения мира данным народом [4;444]. Являясь универсалиями сознания, квазистереотипы глубоко национальны по своему содержанию. Напр., понятие о плохой памяти, забывчивости французы ассоциируют с образом зайца (*memoire de lievre*), а русские — с

образом курицы (куриная память). Названия различных животных образуют в обоих языках аналогичную форму ласкового обращения: *mon gros (petit) loup* (волк) — *мой зайчик, зайнька*.

Зоонимы, устойчиво выполняющие определенную характеристическую функцию, могут совпадать, что подтверждает историческая общность культур и их взаимодействие в определенный период: *храбрый, смелый* — лев, *le lion*; *хитрец* — лиса, *le renard*; *волчий голод* — *faim de loup*.

Оценочные характеристики, ориентированные на один и тот же денотат (животное), могут представлять его эталоном различных качеств: *нелюдим, грубиян* — *l'ours*, но рус. *медведь* — неповоротливый, неуклюжий человек.

Понятийные или коннотативные расхождения зооморфизмов свидетельствуют о национальной специфике образного мышления представителей различных культур.

Прием зоосемизма как один из прагматически эффективных способов оценочной характеристики активно использовался в советском политическом дискурсе 20-30-х годов [1;18; 3;52]. Наиболее продуктивными были выражения, смысловым центром которых являлись названия агрессивных, опасных животных и рыб (*акула, кит, зубр, хищник*), а также мифологических существ (*гидра контрреволюции*). ключевым словом стала лексема *акула*, образовавшая ряд устойчивых идеологизированных сочетаний: *акулы империализма, империалистические акулы, антантовские акулы*. Переносное значение слова зафиксировано в словарях: *об эксплуататорах-капиталистах* [6;21]; *корыстный делец, хищнически пользующийся чужим трудом и имуществом, эксплуататор* [9;26].

Общее функционирование данных зоонимов в качестве символических образов капиталистической действительности закрепило за ними в газетной публицистике негативную оценочную специализацию и превратило их в идиомы политической речи того периода.

Зоолексикон языка политики начала 90-х годов характеризуется тематическим разнообразием: рыбы (*акула, рыбаешка*), птицы (*орел*), звери (*зубр, тигр*), доисторические животные (*динозавр*). Часть из них (*зубр, акула, рыбаешка*) стала собственно газетной лексикой, другие суть окказиональные авторские метафоры и заимствования.

С развитием рыночных отношений и появлением новых форм собственности возвращается в политический словарь существительное *акула*. Сохранив прежние отрицательные коннотации, оно изменяет контекст употребления: объектом оценочной квалификации становятся реалии советской действительности. Эта лексема в политической коммуникации имеет два значения:

1. Более широкое — *акулы бизнеса*, т.е. все представители альтернативной экономики, предприниматели;

2. Узкое — *акулы*, т.е. бывшие номенклатурные работники, руководители крупного бизнеса, составляющие одну из трех групп советских миллионеров перестроечной эпохи [данные Группы изучения советской элиты Института социологии АН СССР; "Московские новости". — 1991, №8].

Современное восприятие слова, его близость к терминологической сфере сглаживает ту заостренность идеологической оценки, которая была ему присуща в послереволюционный период.

Во французском языке ЛЕ *requin* (*акула*) получила пе-

реносное социальное значение еще в XIX в.: *personne cupide et impitoyable en affaires* (les requins de la finance, les grands requins d'affaires). Отрицательные коннотации французского зооморфизма актуализируются семами *жадный, корыстный, жестокий, беспощадный*. В словарных дефинициях русского зооморфизма эксплицируется политическая направленность: капиталист, делец, эксплуататор, чужой труд. В случаях нетерминированного употребления стилистически нейтральной ЛЕ *акула* соответствует в переводе другой метафорический образ: *les manitous du business*. В прямом значении *manitou* — название божества у североамериканских индейцев. Переносное значение характерно для разговорного стиля. *Grand manitou* выступает как фамильярное название руководителя: *шишка, важная особа, заправила, воротила*. Таким образом, имеем стилистическое "расхождение" оригинала и перевода.

Ассоциативно переносное значение получило слово *рыбаешка* как противопоставление *акуле*. Первоначально оно являлось разговорным вариантом, уменьшительным от *рыба*. Получив переносное значение "незначительный, невлиятельный человек, мелкая сошка", словосочетание *мелкая рыбаешка* и *le menu fretin*, перешли в разряд оценочной газетной лексики. Понятийная адекватность оригинала и перевода дополняется стилистической (разговорное) и коннотативной (уничижительное) эквивалентностью.

В 20 30-е годы в политический словарь вошел собственно русский зооморфизм *зубр*, имевший такие значения:

перен., публ. презр. "О крайнем реакционере" [6;230];

перен. публ., ритор. "Консервативный до дикости, упорный в своей закостенелости человек" [9;№119];

перен. “О косном, консервативно настроенном человеке” [7;237].

Создание эмоционально-образного смысла было связано с развитием негативного идеологического компонента, узурпаторски эксплицировавшегося в словарных пометах (презрительное) и дефинициях (косный, консервативный, отсталый, реакционер и т.д.). В конце 70-х — начале 80-х годов было зафиксировано новое переносное значение слова *зубр* — *знаток* [5;207]. Таким образом, один и тот же зоосемизм становится основанием для различных зооморфных характеристик с противоположными оценочными компонентами. Актуализация того или иного смысла и, следовательно, мелиоративная или пейоративная квалификация социального объекта происходят только в контексте. В исследуемом газетном материале отмечается еще одно переносное использование слова *зубр* и появление нового сочетания *старые зубры*, которым социологи и журналисты условно назвали третью группу советских миллионеров. Это *цеховики*, основавшие еще в застойные времена теневой бизнес. В новых социально-экономических реалиях выражение *старые зубры* сочетает как позитивные, так и негативные коннотации, что подтверждается контекстом. Положительные оттенки связаны с понятиями “опытность, деловитость, умение организовать прибыльное производство”. Однако ведущим в социальной оценке остается отрицательный компонент, основанный на признании незаконности теневой экономики.

Автор иноязычного текста, пытаясь сохранить экстралингвистическую основу вторичного наименования лица, вводит словосочетание *les vieux loups* (*старые волки*), так как русский зооморфизм не имеет французского эквивалента

Такая замена является не совсем адекватной: *vieux loup* представляет фамильярное название старого, опытного моряка, а *jeune loup* — молодого, честолюбивого человека или политика. Раскрыть смысл оригинала помогает контекст: описательным словосочетанием *les magnats de l'économie parallele* переводчик заменяет русское *цеховики*.

Употребление зоосемизма *тигр* в политическом тексте связано с метафорическим переосмыслением автором статьи китайской пословицы «Не привязывай крылья тигру», что означает: “Не стоит человека, обладающего значительной властью, наделять еще большей силой”.

Пословицы и поговорки являются самым ярким воплощением национального менталитета и культурно-исторических традиций народа.

Для китайского народа *тигр* — это символ, закрепляющий в сознании носителей языка определенные социально-психологический стереотип. Тигр означает «опасный». Фольклорная традиция разработала целую градацию данного признака. Различная степень опасности выражена в метафорах:

бумажный, мертвый тигр — тот, кто только кажется опасным, чья сила преувеличена;

живой, железный тигр — представляет подлинную опасность;

улыбающийся тигр — по-настоящему опасен и агрессивен, но хорошо это маскирует [2;167].

Для русского этноса ЛЕ *тигр* не является такой значимой в метафорическом отражении действительности. Переносное значение не содержит какой-то определенной положительной или отрицательной оценочной квалификации лица.

Тигр — перен. О человеке, напоминающем повадками чертами характера тигра [8;434].

Потенциальная оценка может быть имплицитована из понятия “хищное животное”. Однако некоторые случаи использования этого зоонима указывают на положительное восприятие. Например, выражение «тигр снегов» — это почетное звание проводника, восходителя на горные вершины. Актуализация сем «надежности», «силы», «защиты» происходит при использовании образа тигра в названии формы или в рекламе средств безопасности.

Во французском языке зооморфизм «*tigre*» еще в 16 в. получил конкретную негативную коннотацию — «жестокый, кровожадный, безжалостный человек» [10;1883], что делает этот образ более близким китайскому, чем русскому аналогу.

Тигры в интерпретации автора оригинала — это представители перестроечной партюкратии, которые, пользуясь своими привилегиями, создали крупный капитал. Обыгрывая содержание китайской пословицы, публицист создает яркие оценочные образы: «летающие тигры, крылатые звери» и др. Окказиональный отрицательный идеологический компонент лексемы «тигр», обозначающей социальный денотат, создается:

1. прагмемами: *коррупция, бандитизм, репрессии, ярость, бешенство, презрение, проклинать, ненавидеть, политический беспредел;*

2. оценочными эпитетами: *разбойничья хватка, бандитская приватизация, хапающая номенклатура, лагерная цивилизация;*

3. разговорными словами, жаргонизмами: *хапающий.*

укокошенный, распределитовка, быдло, сколотить капитал, блатная порюка;

4. оценочными иностилевыми синонимами-субститутами: *украсть, ограбить, прикарманить, свистнуть, спереть, хапнуть, хряпнуть;*

5. оценочными неологизмами: *партспекуляция, партфунки, совковые капиталисты, блатаризация всей страны* и др.;

6. метафорами: *разгул зверской стихии, компартия кормилица, пить вино победы из черепа КПСС, преуспевающие печенегии перестройки;*

7. игрой слов: *утопить страну в утопии коммунизма, политологи, социологи и стоматологи, научно исследуя эту пасть (о тигре) и эту напасть.*

Образам «тигра», «крылатого» или «летающего», во французском тексте соответствуют «*tigre*», «*tigre partocratique*», «*pterotigres*», «*predateurs volatiles*».

«*Pterotigres*» (птеротигры) — окказиональный неологизм переводчика, который по своему морфологическому строению напоминает зоологический или палеонтологический термин по аналогии с «птерозаврами» или «птеродактилями». Необычность этой формы вызывает ассоциации архаичности, обреченности на вымирание.

Зоологический термин «*predateur*» может быть переносным наименованием лица и означать:

в этнологии — относящееся к преисторической эпохе: *человек, живущий охотой и собирательством;*

устар. название грабителя [10;1481].

Таким образом, во французском тексте происходит актуализация основного терминологического значения «хищ-

ник», которое окказионально метафоризируется, а также, предположительно, и одного из переносных употреблений, чья семантика связана с контекстом.

Отрицательный идеологический компонент переносного «*tigre*» заложен в значении зооморфизма и эксплицируется в словаре и дополняется в речи. Однако гамма оценочных средств иноязычного текста намного беднее оригинала, поэтому прагматическое воздействие на русского читателя, возможно, будет сильнее, чем на французского.

Сопоставление русского и французского вариантов текста выявило следующие типы контекстуальных зоосемных соответствий:

1. Рус. зооним — эквивалентный франц. зооним. Адекватное содержание метафорического образа и коннотации: *акула, рыбешка, тигр* — *requin, fretien, tigre*.

2. Рус. зооним — эквивалентный зооэологизм: *тигр* — *pterotigre*.

3. Рус. зооним — неэквивалентный франц. зооним:

а) имеющий в узусе переносное значение другого содержания: *зубр* — *loup*;

б) имеющий в узусе переносное значение, адекватное контексту: *орел* — *vautour*.

4. Рус. зооним — фр. зоологический термин: *тигр* — *predateur*.

5. Рус. зооним — ЛЕ другой тематической группы, имеющая в узусе переносное значение, близкое к оригиналу: *requin, manitou*.

6. Рус. зооним не имеет соответствия.

Анализ газетного текста и словарных материалов различных временных периодов показал развитие новых значе-

ние для некоторых зооморфизмов (*акула, зубр*). Появление других смыслов может создавать двойную когнитивную и прагматическую интерпретацию зоометафоры (*зубр*). Семантика образа зависит также от его основы, первоисточника. «Орел» — «мелиоративный символ в русском и французском фольклоре и негативный в Евангелии» («Ибо, где будет труп, там соберутся орлы» — Еванг. от Матфея, гл. 24, ст. 28). Использование в русском тексте одного и того же зоонима (орел) делает зооморфизмы полиэмоциональными. Во французском языке отрицательные коннотации библейского образа сосредоточены в другом зоониме — *гриф* (*vautour*).

Контекст, особенно иноязычный, помогает раскрыть содержание метафоры и усиливает ее оценочную функцию. Спецификой русского политического текста с зооморфизмами является высокая степень экспрессивности, которая значительно ослабевает или утрачивается при переводе за счет: 1) меньшего количества эмотивной и стилистически маркированной лексики; 2) отсутствия некоторых образов; 3) замены эмоционально-оценочного компонента рационально-оценочной или нейтральной ЛЕ.

Отдавая приоритет идеологическому компоненту, который является ведущим в политическом дискурсе, переводчик, в какой-то мере, жертвует национально-культурным компонентом. Потеря информации национального характера связана с различием в видении и восприятии мира носителями двух языков. Таким образом, в силу специфичности национальных стереотипов, прагматический компонент оригинала и перевода не совпадает, и воздействие политического сообщения на русского читателя и французского будет неадекватным.

Литература:

1. Григорьева Д.М. Идеологизированные устойчивые словесные комплексы именного типа в газетно-публицистической речи (на материале советской прессы 1920-1980 годов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Харьков, 1986.
2. Национально-культурная специфика речевого поведения. — М., 1977.
3. Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект). — М., 1981.
4. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986.
5. Новое в русской лексике: Словарные материалы-77, 80. — М., 1983.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1964.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1961.
8. Словарь современного русского литературного языка. — М.-Л., 1948-1965. — Т.15.
9. Толковый словарь русского языка/Под. ред. Д.Н.Ушакова. — М., 1935.-1940. — Т.1.
10. Larousse de la langue francaise. Lexis. — P., 1979.
11. Petit Robert Dictionnaire de la langue francaise. — P., 1967.